Донской писатель

№ 3-4 — 2022 г

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области

3 Марта — Всемирный день писателя;

21 Марта — Всемирный день поэзии!

Всем любителям печатного слова – мира, вдохновения, успеха!

8 Марта – Международный женский день

В этот праздник мы вдруг замечаем, что наши женщины, матери, подруги — самые красивые, самые обаятельные, лучшие на всей планете! Пусть дома их будут полные чаши, небо над головой — ясное и мирное, пусть всегда рядом с ними будут родные, любимые и любящие!

Счастья вам, дорогие женщины, исполнения всех желаний, улыбок, цветов, музыки в душе!

Редколлегия газеты «Донской писатель»

Дорогие писатели, читатели, друзья!

Поздравляем Вас с праздником Светлой Пасхи!
Желаем мира и счастья
Вашему дому,
благоденствия, веры, любви!
Пусть весеннее тепло воцарится
на Земле и в Ваших душах!
Христос воскрес!

С Днём рождения!

Поздравляем наших коллег, членов и кандидатов в члены Союза писателей России, членов Литфонда России, родившихся в марте – апреле в первые месяцы весны, возрождения и надежды:

Александра Александровича Кравченко (12.03.1955 г.);

Татьяну Ивановну Александрову-Минчакову (18.03.1956 г.);

Галину Александровну Ерёмину (14.03.1941 г.);

Ольгу Владимировну Лозбеневу (20.03.1973 г.);

Валентину Васильевну Данькову (21.03.1947 г.) — **с юбилеем!**

Василия Афанасьевича Воронова (22.04.1948 г.);

Николая Дмитриевича Китаева (03.04.1953 г.);

Юлию Ивановну Журавлеву (05.04.1958 г.);

Ирину Анатольевну Сазонову (10.04.1955 г.)

Искренне желаем духовного обновления, творческого взлёта, счастливого будущего!

«Я думаю о золоте восхода…»

Анна Ковалёва

***

Какая я сегодня?.. Невесёлая?..
Пожалуй что… Пожалуй…
Но зато,
умея видеть белое и чёрное,
я думаю всё чаще о цветном.
Я думаю о море, цвета неба,
вобравшего цвет травки
молодой,
с рифлёною, похожею
на ребус,
песчаной бесконечною грядой.
Я думаю о золоте восхода,
расплавившем каменья добела,
о маленькой каюте теплохода,
в которой я счастливою была…
О море, как о некой о святыне,
сокрывшем дорогие мне следы
детей моих… О дочери,
о сыне,
играющем на камне у воды…
Я думаю о синем, о зелёном,
о розовом, о ярко-золотом –
об утре, светлой радостью
краплёном…
Я думаю, я думаю о том…

Елена Арент

Сердца стук

Как близок мир к войне…
Как хрупок мир… И страшно
Под пенье звонких пташек
В рассветной вышине,
Здесь, в воздухе густом,
Напитанном сиренью,
Средь поросли весенней
Подумать вдруг о том,
что детям не бежать
За бабочкою пёстрой,
Прозрачным, нежным росам
На травах не дрожать,
Что всё исчезнет вдруг
По чьей-то воле чёрной…
О, Господи, о чём я?.
В ответ – лишь сердца стук…

Галина Студеникина

Призванная

На пепелище, словно
на зимовье,
мы приживались долго –
стынь и я,
и в чужестранной доле жития
душа крепилась –
пеплом, как любовью.
Но вновь из пепла, вновь
из обнуленья
взметнулись крылья, жизнь
взвивая ввысь,
и перелётной стаей понеслись
к весне и к дому
новые томленья…
Мне нетомленье – смерть,
покой – бездарность.
Сгорю, весною призванная
вновь! –
Вдыхая снова только лишь
любовь,
и выдыхая
только благодарность.

Елена Альмалибре

***

Расскажи, что любовь
не вечна,
Что страдания разнолики…
Что ни время, ни боль
не лечат,
Что и тени бросают блики.
Расскажи, что огонь не греет,
А дотла выжигает память,
Что глаза от потери злее,
И слова тяжелее ранят.

Расскажи, что тоска не гложет,
Обнимая пустые души,
И на все содроганья кожи
Отвечает привычной стужей.

Расскажи, что от слёз не легче,
Что они отнимают силы.
Что до самой последней
встречи
Я твой крест на себе носила.

Клавдия Павленко

***

Над благодатью земной
шёлковой льётся волной
вьюн полусонный…
Кто-то смешной,
озорной
синий фиалковый зной
прячет по склонам.

Ни для кого и ничьи,
мчатся куда-то ручьи
рядышком с Доном…
Громко горланят
грачи,
солнца пронзая лучи
в небе бездонном.

Можно блуждать и
блуждать.
И впереди не видать
грязи, болотца…
Если вокруг благодать,
что ж так охота рыдать,
сердце так бьётся…

Новые конкурсы

Ростовское региональное отделение Союза писателей России объявляет областной литературный конкурс «Степные всполохи-7», посвящённый 140-летию со дня рождения русского советского писателя, критика, литературоведа, переводчика Корнея Ивановича Чуковского.

Конкурс проводится с 1 марта по 1 июня 2022 года.

Работы на Конкурс принимаются с 1 марта по 15 мая 2022 г.

Положение Конкурса см. на сайте http://donpisatel.ru/np/1542/

Ростовское региональное отделение Союза писателей России объявляет областной литературный конкурс «Степные всполохи-8», посвящённый 85-летию со дня рождения донского поэта и прозаика Бориса Николаевича Куликова.

Конкурс проводится с 1 марта по 28 августа 2022 года.

Работы на Конкурс принимаются с 1 марта по 1 августа 2022 г.

Положение Конкурса см. на сайте http://donpisatel.ru/np/1543/

В номере:

3 марта — Международный День писателя;
С Международным днём 8-е Марта!
24 апреля — Православная Пасха;
«Я думаю о золоте восхода»
Стихи.
1 стр.

95 лет со дня рождения Загорного А.Г.
Антонина Попова
«Несовременная сирень»;
«В поход!»
Отрывок из повести А.Г. Загорного
«Каменная грудь».
2 стр.

Ольга Лозбенева
К юбилею В. Даньковой;
Валентина Данькова
«Семейный совет»
Рассказ.
3 стр.

Ирина Сазонова
«Я играю собственную жизнь»
Стихи;
Василий Воронов
«Всё написанное — о главном в моей жизни»
Миниатюры.
4 стр.

«Бродит солнце в кепке набекрень»
Стихи любимым;
Александр Кравченко
«Брызги шампанского и сухари»
Рассказ;
«Знакомство с автором».
5 стр.

Ольга Губарева
Заметки на полях «Донского Пегаса» и поэзии вообще
Мнение;
«Книжное обозрение»;
Памяти коллеги;
Объявления.
6 стр.

Несовременная сирень...

Не дождь хлопочет целый день – / Скворцы лопочут обалденно/ И зацветает белопенно / Несовременная сирень…

Это строчки из сонета известного российского писателя Анатолия Загорного.

На сайтах, размещающих бумажные и электронные книги российских авторов, имя Загорного можно увидеть часто, но информация об этом писателе крайне скудна и сводится лишь к цитированию его автобиографии с сайта РРО СПР.

Родился А. Загорный в Ростове-на-Дону в 1927 году. Он — автор нескольких повестей, пьес, поэтических сборников. Поиски себя в писательском мастерстве начались с ранних лет. Помимо литературных пристрастий, юношу привлекало море, и он успел поучиться в училище им. Седова и послужить на флоте. Не чужды Загорному были и театральные подмостки. Более двадцати лет отдано писателем службе в ростовском театре им. М. Горького. Но литература взяла верх. Сам писатель был похож на былинного богатыря и писал о нелёгком труде защитников родины.

Первая книга — повесть «Каменная грудь» — вышла, когда Загорному было всего 30 лет. Она неоднократно переиздавалась, была любима читателями и названа «одним из лучших любовно-приключенческих романов столетия». Последнее издание вышло в 2008 году. Повесть рассказывает о князе Святославе (945–972 гг.), о тех далёких временах, когда Киевская Русь, окружённая кольцом враждебных народов, сражалась за свою независимость. В центре завораживающего эпического повествования не война, не придворные интриги, а вечная, как мир, любовь. Железной рукой правит киевский князь Святослав, сокрушая всех врагов Руси от Востока до Запада, от свирепых кочевников-печенегов до коварных византийцев…

Ещё одна историческая повесть Загорного «Легенда о ретивом сердце» вышла в 1963 году и также неоднократно переиздавалась. Это история жизни русского богатыря Ильи Муромца и его названных братьев Добрыни Никитича и Алёши Поповича, которые первыми принимали на заставах удары кочевников в суровые годы становления русской государственности. Однако это не пересказ фольклора. Автор предлагает свою версию детства, юности Илейки Муромского. Вводит в повествование новых персонажей, оживляет их. Тем самым перед нами предстают не герои русских сказок, а реальные жители Руси, любящие свою родину и стоящие на защите её рубежей.

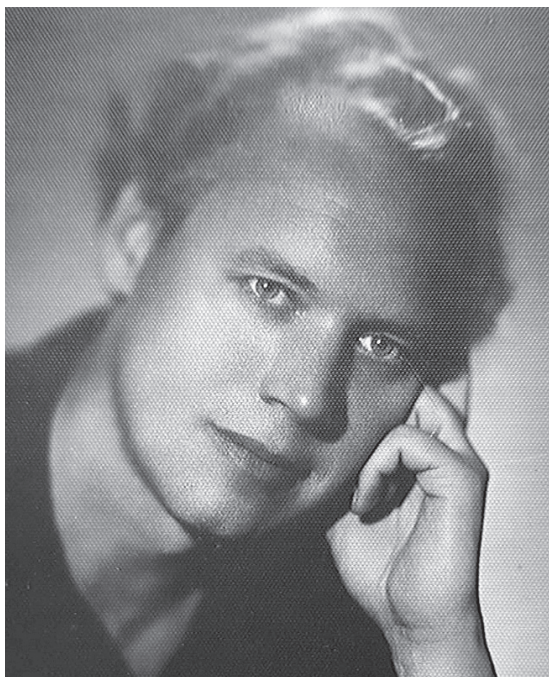
Загорный заставляет читателя пристальнее вглядеться в глубь веков, и сквозь былинную сказочную вязь увидеть реальные сцены жизни людей Древней Руси, участники которых — холопы, смерды, горожане-ремесленники, бояре, воины…

Не зря говорят, что писатели — провидцы, они видят будущее, напоминают нам о прошлом, о победах, просчётах и поражениях, предостерегают от ошибок. История повторяется, и именно поэтому произведения А.Г. Загорного, как никогда, актуальны именно сейчас.

В 2022 году писателю исполнилось бы 95 лет. А ушёл он от нас всего 12 лет назад. Было бы интересно спросить у него, о чём он думал, когда 65–60 лет назад создавал эти повести? Насколько далеко видел? Почему затрагивал именно эту тему?

Написавший одну из немногих рецензий на произведения Загорного Г.Ф. Шолохов-Синявский в какой-то мере ответил на эти вопросы.

Вот что пишет Георгий Филиппович о повести «Каменная грудь»: *«…Необычно её содержание: время, события, характеры, быт, природа, обстановка, в которой действуют герои, язык автора. Из седой старины повеяло яркой, своеобразной жизнью. Десять веков отделяет читателя от того, о чём рассказывается в поэтической повести… Молодой талантливый писатель сумел художественными средствами приблизить к нам события тысячелетней давности… Этого мог достигнуть только талантливый писатель, наделённый ши-*



роким творческим воображением…» И, пожалуй, главное, что подметил наставник, это — поиск Загорным *«новых, нераскрытых черт национального характера былинных героев»*. Удалось ли автору решить эту задачу? Судить читателю.

В ПОХОД!
(отрывок из повести А.Г. Загорного «Каменная грудь»)

На Бабином торжке заиграли трубы, верхоконные гонцы — витьские с горящими обручами из луба поскакали по всем дорогам от Киева. Это означало войну.

Доброгаст проснулся в бурьяне, день уже начался — солнцем пахла густая, душная лебеда. Прислушался к медному голосу труб: тру-ру-ру неслось издалека призывное, тревожившее. Вскочил, заторопился, сорвал на ходу пучок росистой травы, протёр им глаза. Легко перепрыгнул через плетень, зашагал по улице, полной народа.

— Война! Война! — выкрикивал вещун, длинный, нескладный воин в помятых доспехах. Он колотил сучковатой палкой по горшкам на изгородях, увёртываясь от золы, которую вслед ему сыпали женщины, отвращая несчастья.

— Какая война? Зачем она и с чего ей? — слышались отовсюду вопросы.

— Чтоб ты околел, чернобогий вещун! — кричали женщины. — Пусть тебе вгонят бараний рог в глотку! Отведите от нас, добрые боги, печали-напасти, не дайте высохнуть нашим грудям на радость мужниным врагам!

Переполошились собаки, сворой бежали за вещуном.

— К великому князю прибыли греки помощи просить, столько золота привезли, что можно купить целое княжество с городами и селами! Все — на Бабин торжок! На Бабин торжок! — не унимался вещун, ловко орудуя палкой.

Вытирая потные лица кожаными фартуками, поспешно собирались кузнецы, натягивали на себя рубахи кожемяки. Шлёпая босыми ногами по деревянному настилу и задирая расшитые подолы юбок, бежали девушки. Два носильщика в просмолённых дерюгах бросили в подворотню труп убитого, присоединились к толпе.

Ожило, казалось, громоздкое здание храма Перуна, сверху донизу покрытое лепниной: львы, орлы, грифоны, единороги — пышная византийская парча, а не камень.

Навстречу толпе плыли тяжеловооруженные всадники с копьями, перевитыми разноцветной тесьмой, позванивали в щиты, чтобы дали дорогу. Они вели себя сдержанно, даже сурово, как люди, в которых больше, чем в других, нуждалось теперь княжество. Только один из них, грязный, опухший от пьянства, лежал поперёк седла, свесив руки, бессмысленно выкатив покрасневшие глаза, и пел песню:

Князь Бож бранчлив,
Неугоден врагам,
Он сечёт их мечами,
Он их топчет конями…

Породистый конь под ним, поводя тонкими ушами, осторожно выбирал дорогу.

Доброгаста то в холод, то в жар бросало. Уже не одну ночь в саду провёл он без сна, ожидая, когда побелеет небо и настанет день, который окончательно решит его участь, определит дальнейшую судьбу. Мечта была близка к осуществлению. Только бы привесить к бедру меч, ощутить его тяжесть, опереться на рукоять — совсем другая осанка появится. С ним ничего не страшно. Мечом можно достигнуть всего: славы, знатности, богатства, им защищаются, грозят, нападают. Клятве на нём верят, как священной. С ним живут, с ним сходят в могилу.

Доброгаст ног под собой не чувствовал. Неужто в самом деле придёт конец всем его мучениям и можно будет свободно, не боясь быть пойманным, ходить по улицам города? Неужели свалится наконец с души этот камень, это проклятие и Доброгаст снова обретёт себя… свободного человека? Нет же, не поймать его Блуду! Как он тогда вёл себя при князе — изгибался, выставляя розовую лысину, улыбался так, что, казалось, вот-вот из глаз мёд потечёт, а ведь не взглянул на него Святослав, совсем его не заметил. Умница князь! И как далеко смотрит.

Доброгаст остановился на Шуткинском мосту — сюда, по уговору, должна была прийти Судислава. Милая, ясноглазая! И смех у неё серебряный, колокольчиковый… Прижаться щекою к её щеке, всё на свете станет таким светлым, притихнет Днепр, вспорхнет ветер — лети, лети себе туда, где тёмные леса, где реки с обрывистыми берегами и волоки, где не бывал никогда.

Со стороны детинца показался всадник. Доброгаст не поверил глазам — она! Судислава ловко сидела в седле, сорочинский тонконогий иноходец под ней кособочил, прядал ушами. Вот он уже застучал копытами по доскам моста. Дивясь собственной смелости, Доброгаст схватил коня под уздцы. Девушка мгновенно подняла над головою плеть, но остановилась:

— Доброгаст… я не узнала тебя! Скорее на торг… я говорила с воеводой Волком. Он согласен.

Она закусила губу, отвернулась.

— Что с тобой? — забеспокоился Доброгаст.

— Так… когда вернёшься из похода, на тебе будет кафтан сотского… парчовый воротник, отороченный лентой. Только когда это будет? — проговорила сквозь слезы девушка. — А я опять сирота. Вся моя жизнь — сиротская.

— Не плачь, Судислава…

— Приходи же на торг… народ заглядывается, — перебила его девушка и, хлестнув коня, поскакала.

Улицы опустели, по оставшимся без присмотра сырым кирпичам под камышовым навесом прыгали козы, копытили их. Хлопая ножнами по крупу коня, проскакал запоздалый воин. Всё кругом — и дома, и деревья, и само небо — казалось Доброгасту обновлённым, необыкновенно красивым. Не заметил, как пришёл на торг.

Толпы народа наводняли Бабин торжок. Вокруг степени* стояли всадники, всадники без числа. Сверкали шеломы, латы, позванивали сбруи, лошади били копытами.

Несмотря ни на что, шла бойкая торговля. У свернутых ковров сидели какие-то смуглолицые, невозмутимые люди. Рядом ладожане продавали связки-сороки лисьих шкур и рыбий зуб с далёкого Студёного моря…

---

*Степень — трибуна (древнерус.).

Страницу подготовила Антонина Попова

Лозбенева Ольга, *г. Таганрог*

«Помогая добрым словом»

Валентину Васильевну Данькову знаю без малого двадцать лет. Познакомилась с ней на заседаниях таганрогского городского литературного объединения «Чайка», где она сразу обратила на себя внимание профессиональным подходом к разбору произведений, глубоким анализом, ценными советами.

Оказалось, она выпускница факультета русского языка и литературы Таганрогского педагогического института, много лет занималась педагогической деятельностью. Поэтому не удивительно, что, обладая огромным опытом преподавания, могла найти слова, чтобы не обидев человека, указать на недочёты, сделать замечание, найти подход к совершенно разным по характеру и возрасту людям.

Писать Валентина начала ещё в школьные годы. Посещала литературный кружок, существующий при школе. Знакомство с его руководителем — писателем, основателем литобъединения «Чайка» Иваном Ивановичем Бондаренко подтолкнуло её к серьёзному занятию творчеством.

Валентина Васильевна печаталась на страницах различных газет и альманахов. Много лет вела в газете «Таганрогская правда» рубрику «Наши современники», посвящённую таганрожцам — участникам Великой Отечественной войны, трудового фронта, жителям города, которые внесли большой вклад в его научно-техническое и культурное развитие.

Никогда не быть равнодушной — это в характере Даньковой. Переживания за судьбы людей нашли отражения в её произведениях. Так появится сборник «По запаху полыни». После окончания медицинского училища судьба забросила юного медика в Богом забытое село. Именно там она начала свою трудовую деятельность. Работая медсестрой, оказывала не только медицинскую помощь, но и облегчала душевную боль, внимательно слушая житейские сетования деревенских людей, помогая добрым словом. На таком богатом биографическом материале возникли рассказы, вошедшие в сборник «Записки медсестры», посвящённый будням сельского медперсонала, а также нравам и быту жителей дальнего села. А со временем в арсенале писательницы появилось много рассказов и стихов для детей.

Меня всегда поражала работоспособность и энергетика Валентины Васильевны. Ведь она занимается не только литературной деятельностью, но ещё и активно участвует в общественной жизни города. Более десяти лет она была председателем культурно-массовой комиссии городского совета ветеранов, готовила различные культурные мероприятия, организовывала встречи ветеранов с молодёжью. И никогда не оставалась и не остаётся равнодушной к происходящему вокруг неё и в мире в целом.

В нелёгкое для литературного объединения «Чайка» время Данькова В.В. возглавила организацию, обратив на неё внимание городского отдела культуры, местной печати, нашла пристанище, где могли собираться литераторы. Заседания литобъединения стали плодотворными и живыми. Новый руководитель приглашала на них интересных творческих людей, готовила выступления «Чайки» на площадках города. А ещё многое сделала для взаимопонимания и сотрудничества городских творческих обществ.

Валентина Васильевна всегда охотно делится творческими планами, которые подбрасывает ей сама жизнь. Ведь в очередной раз, когда она сталкивается с несправедливостью, какими-либо невзгодами или проблемами не только в отношении себя, но и других людей, всегда по этому случаю грозит пожаловаться в соответствующие инстанции и обещает обязательно написать рассказ.

Искренне хочу пожелать Валентине Васильевне, чтоб ничто не помешало выполнить эти обещания, и чтоб планы её скорее воплотились в жизнь!

Валентина Данькова

Семейный совет

(Из «Записок медсестры»)

В нашем маленьком семействе до сих пор «советов» не случалось. По крайней мере, на моей памяти. Когда маме, в порядке «компенсации» за гибель отчима на заводе, дали комнату в новом доме в центре города, в ней сразу установилась её диктатура. Это исключало всякие вольности вроде советов. А тут вдруг — «совет».

Необходимость его породила новость, о каких говорят: как снег — на голову. В начале февраля 1965 года меня вызвал к себе директор. Я училась в медицинском училище на последнем курсе и как секретарь комитета комсомола бывала у него. Он для нашего «девичьего инкубатора» был папой и мамой и на вызовы мы ходили с лёгким сердцем.

В кабинете у директорского стола сидела преподаватель фармакологии. Это меня смутило: наука о лекарственных прописях, как и латынь, были самым большим кошмаром после математики. Хоть экзамен сдан, всё же мелькнула мысль: «Неужели нажаловалась?»

— Леночка, — мы тут, я и секретарь партбюро, посоветовались с коллективом и решили…

— Да, — не дала ему досказать Ираида Сергеевна, — мы решили, оставить тебя после выпуска секретарём комитета комсомола, — и приветливо улыбнувшись, добавила, — другой кандидатуры у нас нет.

— Конечно, — развил её мысль директор, — ты вывела нашу комсомольскую организацию в лучшие, тебе и карты в руки.

Лестные слова и предложение оказались неожиданными, и я смутилась ещё больше.

— А как же отработка? Я ж записалась в…

— Ну, этот вопрос решаемый, — заявил директор. — С ответом не торопись, с родными обсуди. А сегодня после занятий тебя ждут в райкоме. И помни, мы надеемся…

Секретарь райкома тоже был уверен, «кому ж ещё и дальше вести медицинскую комсомолию к вершинам коммунизма».

До «вершин» тогда оставалось всего ничего: лет 15–20. Мы верили: наше поколение будет жить при коммунизме, как утверждала партия.

— Ты, Елена, можно сказать, с того света организацию вытащила. От «мёртвых душ» очистила, задолженность по взносам ликвидировала, план приёма выполняешь, теперь численность позволяет выделить ставку. Так что, давай, впрягайся. Дома поговори и приходи писать заявление…

Конечно, всё, что мне наговорили в училище и райкоме, было приятно и могло как-то оправдать в глазах мамы. Она считала, что от энергии, потраченной мной на «ерунду», куда больше пользы было бы в домашних делах, в рукоделье. На этой почве по идейным соображениям мы разошлись с ней давно раз и навсегда.

— Какой же ты партиец?! — в запальчивости упрекала я, — ты… ты даже «Правду» не читаешь…

— С меня довольно того, что ты, патриотка, читаешь… на чужом горбу коммунизм легко строить…

Этот аргумент доводил меня до отчаяния. После гибели отчима на заводе мама растила нас: меня и сестрёнку, одна, а я в семейную «копилку» могла вносить лишь стипендию. Правда, домашние обязанности: мытьё посуды, уборка, стирка, глаженка, помощь в готовке, покраска во время ежегодного ремонта, черновая работа в осенних заготовках — были на мне.

— Да? — Удивилась мама моему сообщению, — ну, что ж, с паршивой овцы — хоть шерсти клок… надо подумать.

И я увидела, как в её красивых зеленоватых глазах вспыхнул огонёк интереса. А по тому, как она делилась новостью с соседями, как хвалилась тем, за что три года терроризировала, я понимала, в преддверии моей экономической независимости, почва под её диктатурой дала трещину.

— Давай, Лена, не будем торопиться, — сказала она почти вкрадчиво, — в воскресенье пойдём к дедушке, на семейном совете и решим.

О том, что это такое, я хорошо знала, начитавшись Вольтера, Дидро, Руссо, Чернышевского и всяческих «утопий», а также из газет и опыта. Второй год возглавляла комсомольскую организацию и выкладывалась я на совесть, а «советы» и «дебаты» у нас шли постоянно.

Две трети, а то и больше, будущих сестёр, фельдшериц и акушерок зачислялись из села, даже с невысокими баллами. Так администрации училища легче было выполнять разнарядку, а областному медицинскому начальству закрывать кадровые дыры, зиявшие особенно отчаянно в глубинке.

Так вот, мечты большинства девиц, ввиду инертности и косности их мышления, а также умысла: поскорей удачно выйти замуж за городского парня или студента и сбежать уже с ним, куда подальше от «дыры», в которой жили, я не только не разделяла, но по наивности осуждала. Мне удавалось вернуть этих «заблудших овец», в лоно комсомола, кстати, за что многие из них позже выражали мне признательность. Юноши и девушки — не члены ВЛКСМ всегда и везде вызывали подозрительные размышления у окружающих.

В воскресенье мы отправились в гости к старикам. Почему это было названо «семейным советом», я так и не поняла.

— Что это за профессия такая? Секретарь, — дед нарочито коверкал слово, чтобы показать ничтожность его значения. — Сегодня её выбрали, а завтра?

Он говорил так, словно меня не было, и мнение моё ему не интересно, но я знала, дед меня очень любит и говорит всё это, заботясь обо мне. Мне даже имя дали по его настоянию, и мне оно нравилось. До тринадцати лет дед звал меня Еленой Прекрасной, а потом, с поступлением в медучилище, с уважением, — Премудрой. А когда вышел на экраны фильм «Накануне» по роману Тургенева, я смотрела его не раз, воображая себя киношной Еленой, готовой на всё ради Родины и избранника.

— …Да мало ли что может случиться! — пытаясь нас вразумить, дед расходился не на шутку, — и потому мой сказ такой, пусть получит диплом, закрепится в профессии, а там — хоть на все четыре…

— Я интересовалась, — попыталась вставить слово мама, — Елена после избрания станет «номенклатурой»…

— А ты забыла, где оказалась «номенклатура» тридцатых? Хочешь и ей такой судьбы?!

— Да Господь с тобой, папа, я ж только рассуждаю…

О «номенклатуре» тех лет и её судьбе я не знала.

— А это вы, о чём? — поинтересовалась я.

— Не знаешь? — спросил дед, — вот и хорошо! Меньше знаешь — лучше спишь. И давайте, закончим этот разговор.

— И то так, — поддакнула мама, переметнувшаяся на сторону деда.

У бабушки был один аргумент: «Как дед скажет». Её волновало, как бы сытнее нас угостить да с собой пакетик приправить.

Мне ж, по правде сказать, в то время хотелось на волю! Хоть в «дыру», только подальше от маминой диктатуры. А распределилась я в степной район, за триста километров от областного центра, сто пятьдесят — от железной дороги и, самое ужасное, четыреста — от так горячо любимого моря.

Я играю собственную жизнь

Ирина Сазонова

Забытое

Изредка скучаю по тебе
и себе –
поза-позавчерашней –
на канате выпляски
домашней,
но неодомашненной
в борьбе
с вечною нехваткою всего:
нежности, кефира, неба,
платья,
но случались редкие
объятья –
и рождались дети оттого…
Падал недокрученный
карниз,
спор переряжался ссорой
разом,
отпрыск добивал
подбитым глазом
под долбёж бетховенских
«Элиз».
Книги – на полу и на окне,
псины лай
в невыспавшемся доме.
Всё, пожалуй.
Нет, ещё припомню –
ты варил с проклятьем
кофе мне…

Осень

Грядёт четвёртый акт
сезонной драмы,
Помеченный ремаркой:
«Снова осень».
Меняет декорации
поспешно
Рабочий сцены –
злой по пьяни ветер,
Пристраивая хмурую
завесу,
Окрашивая в серый
и багровый
ненужные лазурь
и изумруд.
И костюмер, подвластный
режиссёру –
ненастной и промозглой
непогоде,
переодел в пальто, плащи
и куртки,
придав единостилие
зонтами,
востребованный пьесою
состав.
И мы идём,
послушные актёры,
вершить своё
бессмысленное действо –
бродить вдвоём
под дождиком сыпучим,
ногами загребать охапки
листьев
на вымерших гектарах
зоопарка,
где спит зверьё пока
в вольерах летних,
лениво положив на лапы
морды,
не удостоив взглядами
двуногих.
И лишь горилла критиком
угрюмым
внимательно за нами
наблюдает
и понимает многое,
бесспорно,
откусывая бережно банан.

***

Прозрением или
проклятьем
Ничтожа греховный порыв,
Мы сами разжали объятье,
Друг друга умом отпустив.
Усталые, ждали покоя,
Склоняясь к решеньям
благим –
И снова, за столиком, двое,
Средь юности бойкой
сидим…
Сплетаемся –
только глазами,
Не руша запретный порог.
Мы учимся зваться
друзьями,
Затверженный помня урок.
Но так быстролётна
упряжка
Минут, разносящих
поврозь!
Пустеет кофейная чашка…
Кивок… эскалатор…
мороз…

Тихий Дон

Чайкой раскрылённою
теснима,
Под высокозвонный
птичий гомон,
Шумною стремниной
уносима,
Я боролась молча
с «тихим» Доном…
Влёк поток реки
неумолимо,
А гребки – натужны
и убоги…
Берег там – но я летела
мимо…
В твердь окаменели
руки… ноги…
Наглотавшись
водоизобилья,
Ощущая въявь конец
печальный,
Я, в плену чугунного
бессилья,
Уловила Дарьи крик
прощальный…
Неужели Вёшки поманили
Подвести конечные
итоги?..
Взмах… рывок…
последнее усилье –
Взяты мной песчаные
отлоги!..

И опять места
благословенны,
А зеркальность вод –
картинней рая…
«Тихий Дон»! – как глубь
твоя бесценна!
Дома вновь тебя
перечитаю!

Сестре

Долгий день обескровив
Утомительным жаром,
Солнце катится в море
Огнедышащим шаром.
А сварливые волны,
В полдень истово шкваля,
Вдруг котёнком покорным
Наши сту́пни объяли.
И дыхание горных,
Лесом сдобренных
склонов,
Лёгких сжатые створы
Расправляет озоном…
Сидя близ кромки водной,
Отодвинем утраты –
Мы в созвучье с заходом,
Мы в согласье с закатом.
Мы в гармонии Божьей
С неподкупной природой –
Ах, сестра, мы ведь тоже
В ожиданье захода!
Но не думай о дате
Жизнь сметающей вести –
В этот миг благодати
Мы так счастливы
вместе!..

***

Кольца лет не расцветят
улыбки,
У красавицы бывшей –
вдвойне!
Хороши только старые
СКРИПКИ,
Только старые ***ВИНА***
в цене...

Краски слов
переменчиво-зыбки,
И открылось осеннее мне:
Хороши только ***СТАРЫЕ***
скрипки,
Только ***СТАРЫЕ*** вина
в цене...

Я играю собственную жизнь

Я играю собственную
жизнь:
Делаю заглавной ролью
имя;
Несмотря на козни,
виражи, –
Я в ней – неизменно
героиня.
Здесь в любовных драмах
я – звездой,
Я – почтенной матерью
семейства,
Я – послушной дочерью
(порой),
Я – вершу интриги
без злодейства!
Амплуа ломаю я под роль:
В актах лжи нешуточно
страдаю
И терплю разрыв,
смиряю боль,
Я творю, бывает –
вытворяю…
В сценах разглагольствую,
учу,
Убираю, жалуюсь,
целуюсь,
Помогаю, странствую,
лечу,
Обижаюсь, строчками
любуюсь…
И играть охота до сих пор!
Каждый день подмостки –
до угара!
Но однажды Главный
Режиссёр
Снимет мой спектакль
с репертуара…

«Всё написанное — о главном в моей жизни»

(Из предисловия к книге)

Василий Воронов, *ст. Старочеркасская*

Свои сюжеты я писал в разные годы и беспорядочно. В тетрадках были дневниковые записи, краткие заметки о командировках, штрихи к характерам, забавные истории, строки о поразивших меня поступках и т.д.

...Я живу любопытно и подробно. Все написанное — о главном в моей жизни. Новые сюжеты приходят ко мне из запахов, звуков, ночного шепота и дыхания дня.

«Приступаю ко дню», — говорили в старину, радуясь жизни. Нечто подобное говорю и я, встречая каждое утро.

Ландыши

Утренние мокрые от росы кусты ещё полны ночных звуков. В трёх шагах от меня вдруг чистой и сильной трелью заставляет вздрогнуть от неожиданности соловей. Едва уловимые шорохи в траве, всплески играющей рыбы в лесном озерце, зуд комаров отвлекают от главного, зачем я пришёл в такую рань с удочками. Сырой, отстоявшийся в низине за ночь дух мощной молодой зелени пропитал, кажется, все складки одежды.

Но вот ноздри улавливают едва слышный, но единственный в своем роде тончайший кисловатый запах. Оставляю удочки и иду наугад. Запах сильнее, резче, ближе... будто вьётся из травы невидимая струйка. Вот он! Два широких с прожилками листа как в ладонях держат хрупкий тонкий стебелёк с белыми горошинами. Свежий кисловатый аромат остается на руках...

Нюхаю, закрыв глаза, и немею от сладкой истомы, — нет на земле такого запаха и нет слов, чтобы объяснить его. И, околдованный, иду дальше. Про рыбалку забыл, забыл, что на пруду меня ждут.

Только через два часа, продираясь сквозь заросли ежевики, насилу вышел из лесу, мокрый от росы, искусанный комарами, с букетом ландышей.

Теперь уж не до рыбалки!

...Стало быть, своя весна у каждого дерева... За первым цветом мы не замечаем второй и третий, в аромате букета не слышим дыхания отдельного лепестка.

Пахнет дубом

В старом саду на чёрных корявых кустах тёрна закудрявились кипенно-белые лепестки. «Пора кукурузу сеять», — говорят в деревне.

Каждый старается сломать цветущую веточку, поглубже вдохнуть знакомый родной запах. Сладок он, долгожданный, первый...

Потом из почек полезут мягкие листики, и тогда запахнет, повеет отовсюду свежесть весны. Зацветёт смородина, вишня, яблоня... Теперь не успеешь следить за всем, да и не нужно следить, дыши, знай, этим вольным, чистым воздухом.

Пройдёт ещё немного времени, и люди привыкнут к весне, к запахам.

Но вдруг в комнату вбежит раскрасневшийся сын:

— Папа, я в лесу был. Как пахнет дубом!

Подивившись чутью малыша, задумаешься на минуту.

Ушёл воробышек

Они всегда рядом с человеком, с его жилищем. Неугомонные, неумолчные, вечно дерущиеся между собой, вечно голодные, они сбиваются в стайки где-нибудь в затишке и орут. Чирикают до умопомрачения.

Они, воробышки, сопровождают нас всю жизнь: и селянина, и горожанина. В селе — в каждом подворье, поближе к скотине, к скирдам соломы, к теплу; в городе — в скверах, парках, у мусорных баков, на деревьях под окнами, дразня ленивых котов.

Мы привыкли к ним, как к домашним. Воробышек опоэтизирован в литературе. Он — в сказках, песнях, анекдотах, пословицах и поговорках. Всегда шустр, смекалист, добр и отважен. В нём есть родство с человеком, с русским характером.

Но что же случилось?

Воробышек ушёл от человека.

Исчезла эта птаха из наших скверов, парков, с деревьев под окнами, не увидишь её у мусорных баков. Редко где встретишь одиночек — взъерошенных, смирных, жалких. Нет и следа бойцовского гонора, не чирикают.

Грустно в городе без воробьёв. Пусто. Хотя в суете человеческой мало кому заметна эта пустота. Не до воробьёв сейчас.

Но не зря оставил воробышек человека. Это сигнал, предупреждение: неправильно человек живёт, что-то нарушено в его общежитии. Раньше, спускаясь в забой, шахтёры обязательно брали с собой воробышка в клетке. Он всегда был рядом с ними как ангел-хранитель. Если просачивался смертоносный газ, портился воздух (даже современные приборы не могут показать именно начало опасности), чувствительный воробышек падал замертво, предупреждая и спасая таким образом людей.

Живём, как в забое, где воздух давно испорчен. Какой индикатор покажет нам степень опасности?

Воробышек ушёл от человека...

«Бродит солнце в кепке набекрень»

Борис Стариков

г. Тихорецк

***

Рисуя небо звёздное пастелью,
Я гимн Любви восторженно пою.
С него сегодня золотой капелью
Летит листва на голову мою.

И, не давая разгореться спорам,
Плоха ли эта жизнь иль хороша,
Закат сгорел на лавке у забора,
Звенящею прохладою дыша.

Есть правда жизни, а её истоки –
Быть вместе с милой до святого дня,
И пусть судачат на ветвях сороки
Про нашу жизнь и грешного меня.

***

Девчонка первая моя,
Тебя я выдумал такую.
И лишь тебе сегодня я
Мгновения любви кукую.

Пусть я любил ещё не раз,
Да и сейчас любить не трушу,
Но синева счастливых глаз
Всегда мою лечила душу.

Теперь, нырнув в пучину лет,
Я не ищу тебя, не плачу.
Когда на небе гаснет свет,
Всё в жизни выглядит иначе.

Алексей Глазунов

г. Сальск

У школьной доски

Я – у доски,
Жду от тебя подсказки,
Ищу ответ в смеющихся глазах,
А за окном
Апрель разводит краски
И акварелью пишет в небесах.
А за окном салютом брызжет зелень,
И бродит солнце в кепке набекрень.

А хочешь – на двоих с тобой разделим
После уроков этот чудный день?
И под гитару я спою о лете
И о твоих с лукавинкой глазах?
Ну, хочешь, мы промчимся на мопеде,
Иль я пройдусь по тропке на руках?
Но у тебя особая программа:
Факультатив, сольфеджио, зачёт.
К тому ж твоя придирчивая мама
Тебе из дома выйти не даёт.
Звонок ликует в искромётной пляске,
И твой портфель зажат в моей руке.
А за окном апрель разводит краски, –
И что мне двойка в школьном дневнике!

Поцелуй

Орёл парил в рассвете розовом –
В горах выискивал подругу.
И небо целовалось с озером,
А водопад – с альпийским лугом.

С тобою мы, Алёнка, сверстники,
А целоваться нам не скоро...
Мы воровали утром персики
В саду, за каменным забором.

В луга бежали, и ромашки к нам
Тянули детские ладошки.
Держали души нараспашку мы:
Поцеловаться бы немножко...

Мы на заре ныряли в озеро,
На берегу шептались ели.
И нам вдвоём так было здорово!
Да целоваться мы не смели.

Случайно прикоснулась пирсингом, –
И не узнали мы друг друга...
Как пахли губы твои персиком,
А волосы – альпийским лугом!

Геннадий Колесов

пос. Весёлый, Ростовская обл.

Времена года

Полюби весну, моя любимая,
За беспечный бег воды шальной,
За желанье непреодолимое
Воспарить, подняться над землёй,
За садов лавинное цветение,
Жар тюльпанов в локонах волос,
Щебет птиц и праздник пробуждения,
Радуг акварель и буйство гроз.

Полюби ты лето, моя прелесть,
За тепло речных прозрачных вод,
Налитой листвы спокойный шелест,
В сотах восковых янтарный мёд,
За пьянящий, пряный дух покоса,
Негу полдня в зелени ракит,
Ночи тишь и золотую россыпь
Ярких звёзд, что Млечный Путь дарит.

Полюби же осень, моя радость,
За усталый колос жёлтых нив,
Разноцветье гроздьев винограда
И туманов утренних разлив,
За ковры листвы, за быль и небыль,
Светлый гимн торжественных берёз,
Журавлиный клич в высоком небе,
Шум дождя и сонм неясных грёз.

Полюби и зиму, моя нежная,
За неброский свет коротких дней,
Чистоту и ширь полей заснеженных
И мерцанье ёлочных огней,
За тоску, тревожащую душу,
Песню вьюги на исходе дня.
Пожалей её, присядь, послушай.
Может быть, полюбишь и меня...

Александр Кравченко, *г. Белая Калитва*

Брызги шампанского и сухари

Рассказ

Часы заскрипели, словно уключины старой лодки. Дверца отворилась и из домика высунулась кукушка. Она некоторое время молчала, как будто раздумывала; опомнилась — пора! И семь раз: «Ку-ку!»

Хрипло. Надсадно. Зло.

Вползла назад. Дверца щёлкнула. Время!

Старуха сидела за деревянным струганным столом. На столе два гранёных стакана. Булка белого хлеба. Палка копчёной колбасы. Коробка шоколадных конфет. Откупоренная пузатая бутылка шампанского в чёрной фольге. В стаканах пенилась янтарная жидкость. Пузырьки весело лопались. И крошечные брызги разлетались и опадали на крышку стола. Старуха крючковатым пальцем растирала брызги… Растирала…

Щуплая. Сгорбленная.

— Пей, мать! Французское шампанское. Дорогое.

Она словно не слышала. Спросила:

— Насовсем пришёл, чи нет?

Сыну за шестьдесят. Крепкий в кости. Кулаки — кувалды. Короткие волосы. Шишковатый череп. Глубоко посаженные глаза.

— Пятнадцать лет от звонка до звонка…

Он выпил шампанское крупными глотками.

— Убивец, — скупо обронила старуха.

Сын дёрнулся, как от удара. Замер. По-мужски тихо заплакал.

— Прости, мать.

Она поднялась. Тяжело обошла стол. Гладила сухой рукой по редким коротким волосам. Два старых человека — мать и сын.

— Неужто, на воле хуже, чем в тюрьме?

— Я волю, мать, боюсь. Я в этом мире жить не умею. Вышел за ворота, а здесь всё другое. Люди другие. «Мерседесы», прилавки ломятся от товаров. Деньги — другие. Лимоны! Арбузы! Молодняк—борзой. У бритоголовых пушки. Кажется, на другую планету попал.

За окном просигналила машина. Грубый голос позвал:

— Чёрный! Пахан ждёт!

— Стёпа, погостюй у матери, — жалобно попросила старуха. – Всю жизнь у меня не было помощника и заботника. Без внуков оставил…

Сын встал.

— Не могу, мать. Люди ждали меня, встречу организовали, — усмехнулся. — Я общественный человек.

Он достал из кармана две тугие пачки. Положил на стол.

— Я тебе деньги привёз. Здесь много… Купи себе чего-либо.

— Стёпа, нашто мне деньги? Мне сын нужен. Кто глаза закроет, когда помру…

Сын ничего не сказал. Поклонился. Хлопнула дверь. От старенького покосившегося домика отъехал белоснежный «Мерседес».

Старуха долго сидела за столом. Она не плакала. Потом порезала булку хлеба и разложила на подоконник сушить сухари. Чистой тряпочкой вытерла брызги шампанского. К деньгам не прикоснулась.

Помолилась и легла спать.

Ночью старуха умерла.

Соседи нашли на столе две пачки денег. Палку «Московской» копчёной колбасы. Коробку конфет «Сказки Пушкина». Под матрацем тысячу рублей мелкими купюрами. А в сенцах — восемь мешков сухарей.

Соседка баба Нюра сказала:

— Наголодалась за всю жизнь. Сухарики присушивала на «чёрный день». Всё сына ждала. Дождалась…

Соседи старуху похоронили.

Елена Медведева

Родилась в г. Ростове-на-Дону. У меня два высших образования: экономическое и юридическое. Стихи печатались во многих коллективных сборниках. Люблю участвовать в конкурсах. Из недавних достижений — вошла в Лонг-лист V Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный Листок».

***

А я собираю в резную шкатулку
Забытые дни на обрывках стихов.
И рифмы слагаются по переулку,
В заметках смартфона из строчек готов.

Они создаются в кафе на салфетках,
В ночи на тетрадных клочках при свечах,
Встречаются в списках покупок нередко,
Для важного рвут СМС второпях
На «до» стихотворных признаний и «после».
А ветер плутает в моих волосах,
Соломой коленки царапает осень.
Искала годами, где лучше писать,

Сюда привело неожиданно сердце.
Как только коснулась деревьев коры,
Душой сочиняется, хоть не усердствуй.
Не знаю, но кажется детство внутри...

Знакомство с автором

А воздух находишь чистейшим и вкусным
Арбузного запаха скошенных трав.
Тень шляпы на строчках мелькает искусно
В блокноте. Читаю, альбом исписав.

Кудрявые локоны солнце ласкало.
Донские просторы на стих вдохновив,
Дарили минуты такого привала,
Который ложился на счастья мотив.

Увидев, завидуют сплетницы гулко.
«Влюбленная», – шепчут со всех адресов.
А я собираю в резную шкатулку
Счастливые дни на обрывках стихов.

Ирина Шурховецкая

Родилась 7 февраля 1990 в г. Батайске, где проживает и по сей день. Первые рифмованные строчки стала сочинять в 5 лет. Замужем, мать четырёхлетнего сына.

В 2012 г. Окончила РГУПС по специальности «Информационные системы и технологии».

Трудовая деятельность не связана с литературой — 10 лет Ирина посвятила Северо-Кавказской железной дороге.

Апрельское небо

Серое небо как будто в гуаши:
Пестрые кляксы на пепельном фоне.
Словно малыш от художеств уставший
Перевернул все, что было в флаконе
Прямо на лист и размазал руками:
Черные, синие, белые пятна –
Тучи. Они проплывают над нами,
Чтобы расстаять вдали безвозвратно.
Или с рассветом грозою пролиться...
Небо апрельское. Чудо природы.
Там, в вышине возвращаются птицы,
Чувствуя привкус весенней свободы...

Пёстрость небес удивляет, но давит,
Облачность шалью ложится на плечи...
Но вместе с тем все вокруг расцветает,
Воздух теплеет. И дышится легче!

Заметки на полях «Донского Пегаса» и поэзии вообще

Ольга Губарева, *г. Батайск*

Пишущих стихи — море, истинных поэтов — единицы. Писать не возбраняется никому. Но, прежде, чем выносить на суд читателя свои произведения, надо трижды подумать. Ведь только истинная поэзия ценна, ибо тогда она способна выполнять свою миссию: служить лекарством для души, пробуждать благие чувства, учить и утешать.

Передо мной очередной номер «Донского Пегаса» (№1 2022 г.). И один из его авторов не согласен с высказанным мною. Он утверждает:

«Стихи мы пишем не напрасно,
Чтоб кто-то смог их здесь прочесть».

Позволю себя спросить: — А для чего? —

Для чего читать срифмованные строчки, не дающие мне, читателю, ничего нового? Зачем эти бесконечные «слёзы-березы, жемчуга, росы и розы», как могут украсить поэтическую строку эти натужные глагольные рифмы «войдёт — принесёт», «отдохнуть — взглянуть…», «замела — прилегла»…?

Нет, на уровне соседей, родственников, наконец, друзей в местной библиотеке, пожалуйста, читайте, делитесь.

Но подавать всё это в газете, имеющей отношение к профессиональному Союзу писателей — не стоит. Я глубоко убеждена, что тем самым мы занижаем планку поэтического мастерства, уровень поэзии. Плохую шутку сыграл с нами и уход от жёсткого редактирования выпускаемых поэтических сборников. Были бы деньги — и вот она — вожделенная книга, и ты уже — настоящий писатель или поэт. А то, что содержание книжонки похоже на игру на трехструнной балалайке (не хочу обидеть музыкантов) — это никого не интересует. Но читатель-то прочтёт и скажет: — Что за ерунда — эти «стишки», да вместе с книжкой горе-автора плюнет и на всю поэзию, смешав в кучу таланты и бездарности.

А теперь вернусь опять к «Донскому Пегасу». Всё-таки я нашла там стихотворение, задевшее меня сразу. Я говорю о произведении Ивана Плигина «Косуля». Незатейливо так написано, без изысков и поэтических приёмов. Да и рифма слабовата. А вот, поди ж ты, не стала я обращать на это внимание, потому что там была внутренняя сила, была мысль, которая поразила меня: как в мире всё хрупко и шатко. Как мы зависим от случайностей и как должны быть осторожны в словах, в поступках. Поймала себя на мысли, что хотела бы прочесть ещё что-нибудь у И. Плигина.

Нина Лихота, Е. Никифорова, Р. Суслова, А. Какурина, И. Ляхова, И. Корсунова в первом за этот год номере газеты поэтессы представлены подборками стихов. И сразу бросается в глаза одинаковость, иначе говоря, однообразие. Стихи практически списаны с одной кальки (кроме И. Ляховой. О ней скажу позже). Бедность поэтического слога, почти полное отсутствие литературных приёмов — сравнений, метафор и т.д. Нет в них той изюминки, той самой, которая делает рифмованные строчки настоящей поэзией. Очень много слабых рифм (как я уже говорила выше), много затертых, кочующих из стихотворения в стихотворение ничего не выражающих слов Крайне редко встречаются какие-то находки.

Но, всё-таки встречаются, к счастью. Вот Нина Лихота порадовала довольно необычным сравнением:

«…Здесь роса, как жемчуг, поутру.
Сбить её – тем самым обездушить!»

Активная гражданская позиция прослеживается у неё же в стихотворении «Я русская»:

«…Я с Отчизной душою и сердцем!…»

У А. Какуриной кисть рябины… «как разлука – с горчинкой»… Тоже — образ…

Несколько особняком стоят стихи И. Ляховой. В них уже чувствуется поэзия. Написаны они слогом, похожим и не похожим на верлибр, но перечитать их желание возникало.

Мне хотелось бы
Сидеть с тобою рядом,
Когда ты спишь…
Собирать лучи
В свои ладони с ярких
И блестящих крыш…

Словом, если очень постараться, какие-то искорки в произведениях авторов разглядеть можно. Но, чтобы они разгорелись, нужно много трудиться, искать рифму, искать слова, сравнения, метафоры, точные и неожиданные концовки, способные увлечь читателя, заставить его ещё и ещё возвращаться к перечитанным строчкам.

Это, безусловно, моё личное мнение. Возможно, его сочтут слишком категоричным, кто-то с ним вообще не согласится.

Но, думаю, в одном со мной согласятся все: сила русской литературы — в мастерстве, душевном порыве, в слове, написанном не потому, что «надо», а потому, что без этого слова — уже никак. Потому, что оно рвётся наружу, на простор, к людям и удержать его нет никакой силы!

Памяти коллеги

6 апреля 2022 года в Таганроге на 87 году жизни умерла Нина Васильевна Еловских — поэт, известный в городе общественный деятель, долгое время возглавляющая Таганрогское Независимое литературное объединение (НЛО). Её произведения публиковались в периодической печати, в литературных альманахах «Вехи Таганрога», «Донская поэзия», «Мозаика юга» и многих других.

Человек щедрой души, она не жалела сил для творческого становления и продвижения талантливых литераторов. Очень энергичная, обладая организаторскими способностями, Нина Васильевна объединяла вокруг себя неравнодушных людей, любящих литературу, поэзию; проводила творческие встречи в городах Ростовской области и Кубани, организовывала выступления стихотворцев и прозаиков на сценических площадках города, юбилейные творческие вечера. Добрая и отзывчивая по натуре, она первая приходила на помощь к тем, кто нуждался в поддержке.

Всегда молодая, нарядная, привлекательная, Нина Еловских притягивала в свою орбиту и молодых, и умудрённых годами. Достаточно прочитать её стихи, чтобы понять душу этой миниатюрной женщины, незаурядного человека.

«Я всей душой пред вами нараспашку»

Из поэтического сборника Н. Еловских «Как хочется покоя и тепла» (2017 г.)

Две чаровницы

Крылья вразлёт и душа
нараспашку,
Сердце волнуется, рвётся
в полёт.
Кто-то зелёные дарит рубашки
Каждой травинке, что в поле
растёт.

Метит веснушками девушек
юных,
Кудри ерошит шалун-ветерок,
Больше ночей появляется
лунных,
Только влюблённым
ещё невдомёк,

Что с красотой жизнь
навечно повенчана,
Истина эта, как утро, ясна.
Как вы прекрасны –
две милые женщины,
Две чаровницы – ЛЮБОВЬ
и ВЕСНА.

Вечная память

Донская степь, ковыль,
чабрец, ромашки,
Полынь, душица,
маки на лугу…
Я всей душой пред вами
нараспашку,
Смотрю и наглядеться
не могу.

О! Сколько вас разбросано
по полю!
Какая тайна в этом буйстве
есть?
Вы землю красите по божьей
воле,
И потому вас никогда
не счесть.

Живущим ныне не забыть
до тризны:
Была война – страшнее
только ад.
И родину свою, и честь
отчизны
Ценою жизни защитил солдат.

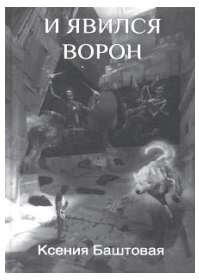
Как много их на тех полях
осталось.
Они за нас свою отдали жизнь,
И потому те травы
прорастают,
Чтоб мы всем павшим
в памяти клялись!

«Книжное обозрение»

Ерёмина Г.А.

«ОБЛАКА МОЕЙ МЕЧТЫ». Сборник стихотворений. — Издательство Литературного фонда России «Донской писатель»: Ростов н/Д, 2022 г. — 136 с.

Весьма солидный сборник стихов Галины Александровны Ерёминой получился как своеобразный обзор большого отрезка жизни, в котором и победы, и огорчения, и любовь, и разлука. Автор размышляет о быстротечности времени, о сложности человеческих отношений, его трогает «и утренний робкий туман», и первые весенние цветы, а самое главное, хозяйка стихов не устаёт мечтать.



Баштовая К.Н.

«И ЯВИЛСЯ ВОРОН». Издательство: Т8, 2021 г.

Член Союза писателей России Ксения Баштовая представляет свой новый роман-фэнтези «И явился Ворон». Содержание — под завесой тайны. Похоже, главному герою угрожает утилизация. Хотя он и не прочь провалиться в другой мир, порешать там свои дела и вернуться в реальность. В общем, ничего не понятно… Кто такой Ворон, и зачем он явился? Но страшно интересно! А во всём разберётся тот, кто купит эту книгу по адресу, который любезно предоставляет автор.

Суханова Л. А.

«ПОД СОЛНЕЧНЫМ ЗОНТОМ». Сборник стихотворений — Издательство Литературного фонда России «Донской писатель»: Ростов н/Д, 2022 г. — 72 с.

Новый поэтический сборник Людмилы Сухановой «Под солнечным зонтом» раскрывает перед читателем цветной образный внутренний мир автора, наполненный звуками, запахами, светлыми мыслями и просто радостью. От стихов веет теплом, восторженностью молодой души, иногда сожалением и лёгкой печалью. О такой поэзии говорят, она врачует, потому что в ней всегда живёт надежда.

Объявления:

Вниманию писателей и литераторов!

С 15 марта 2022 года начинается приём прозаических и поэтических материалов в Донской Литературный альманах №6, который продлится до 1 июля 2022 года.

Материалы следует присылать на адрес donpisatel@yandex.ru. В альманахе может участвовать любой автор вне зависимости от места проживания. Стоимость одной страницы будет определена в конце сбора произведений в соответствии с их количеством.

Редакция альманаха

Вниманию писателей, кандидатов и литераторов

В апреле Ростовское отделение СП России возобновляет очный литературный семинар.

Будут сформированы две поэтические группы: преподаватель в первой — Студеникина Г.В., преподаватели во второй — Сазонова И.А., Волошин С.А. и по возможности — Павленко К.И.

Прозаическая группа одна, в ней преподают Морж В.В., Малов П.Г. и по возможности — Береговой А.Г.

Кроме того, планируются выступления перед семинаристами крупнейших донских поэтов и прозаиков.

Сейчас объявлен новый набор творческих групп. Всем желающим заниматься на семинаре в срок до 10 апреля нужно прислать на электронный адрес donpisatel@yandex.ru заявление о приёме в слушатели семинара.

Кандидатам в члены СП — обязательно.

Правление

Газета писателей Ростовской области

Гл. редактор *Людмила Хлыстова*
Редакторы *В. Морж, О. Губарева, К. Павленко, В. Зименко*
Вёрстка *В. Анистратовой*
Фото из архива ДП
Номер подписан в печать 11.04.2022 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344019, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова, 1
т. 8-918-599-67-51; 8-989-535-21-19;
donpisatel@yandex.ru; lyudmila-hlystova@mail.ru

Общественная редакционная коллегия:

К. Баштовая, А. Береговой, В. Воронов,
А. Глазунов, В. Зименко, О. Лозбенева,
Л. Малюкова, К. Павленко, А. Попова,
Г. Студеникина, Д. Ханин,
Л. Хлыстова — члены СП России

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и Донского литературного альманаха можно прочитать на сайтах: www.donpisatel.ru

За достоверность предоставляемой информации несёт ответственность автор.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с некоторыми утверждениями в публикациях.

Рукописи принимаются только при использовании буквы «Ё», в прозе — длинных тире, в поэзии – коротких, кавычки должны быть такого образца «-».

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области.